

ДЖОНАТАН СВИФТ

ВСЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
ГУЛЛИВЕРА

#эксмодетство

Москва
2024

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44
С24

Свифт, Джонатан.
С24 Все путешествия Гулливера / Джонатан Свифт ; [перевод с английского под редакцией Адриана Франковского]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-193194-0

Все четыре части знаменитых приключений Гулливера собраны в одной книге! Захватывающая и абсолютно невероятная хроника странствий Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей. Легучие острова, крошечные человечки и хитрые чародеи — всё это и многое другое увидел знаменитый Человек-Гора в своём путешествии в отдалённые страны света.

**УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44**

Часть первая

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛИЛИПУТИЮ

ГЛАВА I

Автор даёт сведения о себе и о своём семействе. Что побудило автора отправиться в путешествие. Он претерпевает кораблекрушение, спасается вплавь и благополучно достигает берега страны лилипутов. Его берут в плен и увозят в глубь страны.

Мой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире; я был третий из его пяти сыновей. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, он послал меня в колледж Эммануила в Кембридже, где я пробыл три года, прилежно отдаваясь своим занятиям. Хотя я получал весьма скудное содержание, однако и оно ложилось тяжёлым бременем на отца, состояние которого было незначительно; поэтому меня отдали в ученье к мистеру Джемсу Бетсу, выдающемуся хирургу в Лондоне, у которого я прожил четыре года. Небольшие деньги, присылаемые мне по временам отцом, я тратил на приобретение пособий для изучения навигации и других отраслей математики, полезных человеку, желающему посвятить себя путешествиям, так как я всегда думал, что рано или поздно мне выпадет эта доля. Оставив мистера Бетса, я возвратился к отцу, и у него,

у дяди Джона и у других родственников мне удалось получить сорок фунтов стерлингов и обещание ежегодно высылать мне в Лейден ещё тридцать фунтов. В этом городе в продолжение двух лет и семи месяцев я изучал медицину, будучи уверен, что знание её окажется мне полезным в дальних путешествиях.

Вскоре по возвращении из Лейдена я, по рекомендации моего доброго учителя мистера Бетса, поступил хирургом на судно «Ласточка», ходившее под командой капитана Авраама Паннеля. Я проплавал с ним три с половиной года, совершил одно-два путешествия в Левант и в некоторые другие страны. Возвратившись в Англию, я решил поселиться в Лондоне; к этому поощрял меня и мистер Бетс, мой учитель, который порекомендовал меня нескольким своим пациентам. Я нанял квартиру в небольшом доме на Олд-Джюри и, вняв советам родных не оставаться холостяком, женился на мисс Мери Бёртон, второй дочери мистера Эдмунда Бёртона, чулочного торговца на Ньюгет-стрит, за которой получил четырёхста фунтов приданого.

Но так как спустя два года мой добрый учитель Бетс умер, а друзей у меня было немного, то дела мои пошатнулись, ибо совесть не позволяла мне подражать шарлатанству многих моих собратьев. Вот почему, посоветовавшись с женой и некоторыми знакомыми, я решил снова отправиться в плавание. Я поступил хирургом сперва на одно, а потом на другое судно и в продолжение шести лет совершил несколько путешествий

в Восточную и Западную Индию, что несколько поправило мои денежные дела. Часы досуга я посвящал чтению лучших авторов, прежних и современных, так как всегда запасался в дорогу книгами; на берегу же наблюдал нравы и обычаи туземцев и изучал их язык, что благодаря хорошей памяти давалось мне очень легко.

Последнее из этих путешествий было не особенно счастливо, и потому, утомлённый морскою жизнью, я решил жить дома с женой и детьми. Я перебрался с Олд-Джюри в Феттер-Лейн, а оттуда в Уоппинг, надеясь иметь практику среди моряков, но эта надежда не оправдалась. Три года я провёл в ожидании, что положение моё улучшится, и наконец принял выгодное предложение капитана Вильяма Причарда, владельца судна «Антилопа», отправиться с ним в Южный океан. 4 мая 1699 года мы отплыли из Бристоля, и наше путешествие было сначала очень удачно.

Не стоит утомлять внимание читателя подробным описанием наших приключений в этих морях; достаточно сказать, что при переходе в Ост-Индию мы были отнесены страшной бурей к северо-западу от Ван-Дименовой земли. Согласно наблюдениям, мы находились на 30° южной широты. Двенадцать человек нашего экипажа умерли от переутомления и дурной пищи; остальные были в состоянии полного изнеможения. 5 ноября (начало лета в этих местах) было очень пасмурно, так что матросы только на расстоянии полукабельтова от корабля заметили

скалу; между тем страшный ветер гнал корабль прямо на эту скалу, и он мгновенно разбился в щепки. Шестеро из экипажа, в том числе я, спустили шлюпку на воду и благополучно отъехали от корабля и скалы. По моим расчётам, мы шли на вёслах около трёх миль, пока совсем не выбились из сил, так как были переутомлены уже на корабле. Поэтому мы отдались на волю ветра и волн, и через полчаса шлюпка была опрокинута внезапно налетевшим с севера шквалом. Что случилось с моими товарищами по шлюпке, а равно и с теми, которые нашли убежище на скале или остались на корабле, не могу сказать; думаю, что все они погибли. Что касается меня самого, то я поплыл наугад, подгоняемый ветром и приливом. Я часто опускал ногу, но не мог нащупать дно; и вот в то время, когда я совсем уже выбился из сил и не способен был больше бороться с волнами, буря значительно утихла, и я почувствовал под ногами землю. Дно в этом месте было так отлого, что мне пришлось пройти более мили, прежде чем я добрался до берега; было, должно быть, около девяти часов вечера. Я прошёл с полмили, но не обнаружил никаких признаков жилья и населения, или по крайней мере был слишком слаб, чтобы различить что-нибудь. Я чувствовал крайнюю усталость; от усталости, жары, а также от выпитой мной ещё на корабле полпинты водки меня сильно клонило ко сну. Я лёг на траву, которая была здесь очень низкая и мягкая, и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни. По моему расчёту, сон мой продолжался около девяти

часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем светло. Я хотел встать, но не мог пошевелиться; я лежал на спине и чувствовал, что мои руки и ноги с обеих сторон крепко привязаны к земле и точно так же прикреплены к земле мои длинные и густые волосы; а всё моё тело, от подмышек до бёдер, опутано целой сетью тонких бечёвок. Я мог смотреть только вверх; солнце начало жечь, и свет его ослеплял глаза. Кругом меня слышался какой-то глухой шум, но в том положении, в котором я лежал, я не мог видеть ничего, кроме неба. Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня на левой ноге, мягко поползло по груди и остановилось у самого подбородка. Опустив глаза как можно ниже, я различил перед собою человечка, ростом не более шести дюймов, с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной. В то же время я почувствовал, как вслед за ним на меня взбирается по крайней мере ещё около сорока подобных же (как мне показалось) созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что они все в ужасе разбежались, причём некоторые из них, как я узнал потом, соскакивая и падая с моего туловища на землю, получили сильные ушибы. Однако скоро они возвратились снова, и один из них, отважившийся подойти так близко, что ему было видно всё моё лицо, в знак удивления поднял кверху руки и глаза и тоненьким голосом, но отчётливо прокричал: *Гекина дегуль*; остальные несколько раз повторили эти слова, но я не понял тогда их значения. Читатель может себе представить, в каком неудобном

положении я лежал всё это время. Наконец после большого усилия мне посчастливилось порвать верёвочки и выдернуть деревянные колышки, к которым была привязана левая рука; поднеся её к лицу, я понял, каким способом они связали меня. В то же время, сделав страшное усилие, причинившее мне нестерпимую боль, я немного ослабил шнурки, прикреплявшие мои волосы к земле с левой стороны, что позволило мне повернуть голову на два дюйма. Но созданыца вторично спаслись бегством, прежде чем я успел изловить кого-нибудь из них. Затем раздался пронзительный вопль, и, когда он затих, я услышал, как кто-то из них громко прокричал: *Тольго фонак*. В то же мгновение я почувствовал, что на мою левую руку посыпались сотни стрел, которые кололи меня, как иголки; после этого последовал второй залп в воздух вроде того, как у нас в Европе стреляют из мортир, причём, я полагаю, много стрел упало на моё тело (хотя я не почувствовал этого) и несколько на лицо, которое я поспешил прикрыть левой рукой. Когда этот град стрел прошёл, я застонал от злости и боли и снова попробовал освободиться, но тогда последовал третий залп, сильнее первых двух, причём враги мои пытались колоть меня копьями в бока, но, к счастью, на мне была куртка из буйволово́й кожи, которую они не могли пробить. Я рассудил, что самое благоразумное пролежать спокойно до наступления ночи, и тогда левой рукой я легко освобожусь; что же касается туземцев, то я имел основание надеяться, что справлюсь и с большей армией, если

только она будет состоять из существ такого же роста, как те, которых я видел перед собою. Однако судьба решила иначе. Когда эти люди заметили, что я лежу спокойно, они перестали метать стрелы, но в то же время по усилившемуся шуму я заключил, что число их возросло. На расстоянии четырёх ярдов от меня возле правого уха я услышал стук, продолжавшийся больше часа, точно возводилась какая-то постройка. Повернув голову, насколько позволяли державшие её верёвочки и колышки, я увидел деревянный помост, возвышавшийся над землёй на полтора фута, на котором могло уместиться четверо таких человечков, а возле помоста две или три лестницы, чтобы восходить на него. Оттуда один из них, по-видимому знатная особа, обратился ко мне с длинной речью, из которой я ни слова не понял. Но я должен упомянуть, что перед началом своей речи высокая особа трижды прокричала: *Лангро дегюль сан* (эти слова, равно как и предыдущие, впоследствии мне повторили и перевели). Сейчас же после этого ко мне подошли человек пятьдесят туземцев и обрезают верёвки, прикреплявшие левую сторону головы, что дало мне возможность повернуть её направо и таким образом наблюдать лицо и жесты оратора. Он мне показался человеком средних лет, ростом выше трёх других, сопровождавших его; один из них, величиной с мой средний палец, вероятно паж, держал его шлейф, два других стояли по сторонам в качестве почётной стражи. Он произнёс речь по всем правилам ораторского искусства: некоторые части её

выражали угрозу, другие — обещание, сожаление и благосклонность. Я отвечал в немногих словах с видом величайшей покорности, подняв к солнцу взор и левую руку и как бы призывая светило в свидетели, и так как я почти умирал от голода — в последний раз я поел за несколько часов перед тем, как оставить корабль, — то требования природы были так повелительны, что я не мог сдержать своего нетерпения и (быть может, нарушая строгие правила приличия) несколько раз поднёс палец ко рту, желая показать, что хочу есть. Гурго (так они называли важного сановника, как я узнал потом) отлично понял меня. Он сошёл с помоста и приказал приставить к бокам моим несколько лестниц, по которым взобрались и направились к моему рту более ста туземцев, нагруженных корзинами с кушаньями, которые были приготовлены и присланы по повелению монарха, как только до него дошло известие о моём появлении. В кушанья эти входило мясо каких-то животных, но я не мог разобрать по вкусу, каких именно. Там были лопатки, окорока и филе, с виду напоминавшие баранину, очень хорошо приготовленные, но каждая часть едва равнялась крылу жаворонка. Я проглатывал разом по два и по три блюда вместе с тремя хлебцами, из которых каждый был не больше ружейной пули. Туземцы прислуживали мне весьма расторопно и тысячами знаков выражали своё удивление моим ростом и аппетитом. По этому аппетиту они заключили, что малым меня удовлетворить нельзя, и потому, когда я знаками попросил пить,

они необычайно ловко подкатили к моей руке одну из самых больших бочек и вышибли из неё дно; я без труда осушил её одним духом, потому что она вмещала не более нашей полупинты. Вино по вкусу напоминало бургундское, но было гораздо приятнее. Затем они поднесли мне другую бочку, которую я выпил таким же манером и сделал знак, чтобы дали ещё, но у них больше не было. Когда я совершал все описанные чудеса, человечки, восторженно крича, танцевали у меня на груди и много раз повторяли своё первое восклицание: *Гекина дегуль*. Знаками они попросили меня сбросить обе бочки на землю, но сначала приказали толпившимся внизу посторониться, громко крича: *Бора мевола*, а когда бочки взлетели в воздух, раздались ликующие возгласы: *Гекина дегуль*. Сказать правду, меня сильно искушало желание схватить первых попавшихся под руку сорок или пятьдесят человечков, когда они разгуливали взад и вперёд по моему телу, и сбросить их. Но сознание, что они могли причинить мне ещё большие неприятности, чем те, что я уже испытал, а равно торжественное обещание, данное мною им, — ибо так толковал я своё изъявление глубокой покорности — скоро прогнали эти мысли. Кроме того, я считал себя связанным законами гостеприимства с этим маленьким народом, который не пожалел для меня издержек на великолепное угощение. Вместе с тем я не мог достаточно надивиться неустрашимости крошечных созданий, отваживавшихся взбираться на моё тело и прогуливаться по нему,

в то время как одна моя рука была свободна, и не испытывавших содрогания при виде такого страшного чудовища, каким я должен был казаться им. Спустя некоторое время, когда они увидели, что я не прошу больше есть, ко мне явилась особа высокого чина от лица его императорского величества. Его превосходительство, взобравшись на мою правую голень, направился к моему лицу в сопровождении десятка человек свиты. Он предъявил свои верительные грамоты за королевскую печатью, приблизив их к моему глазу, и обратился с речью, которая продолжалась около десяти минут и была сказана без малейших признаков гнева, но с авторитетом и решительностью, причём он часто указывал пальцем вперёд, как оказалось потом, по направлению к столице, находившейся от нас на расстоянии в полумилю, куда, по решению его величества и государственного совета, меня должны были перевезти.

Я ответил в нескольких словах, которые остались непонятыми, так что мне пришлось прибегнуть к помощи жестов: я показал своей свободной рукой на другую руку (но сделал это движение высоко над головой его превосходительства, боясь задеть его или его свиту), затем на голову и тело, давая понять таким образом, чтобы меня освободили. Вероятно, его превосходительство понял меня достаточно хорошо, потому что, покачив отрицательно головой, жестами пояснил, что я должен быть отвезён в столицу как пленник. Наряду с этим он делал

и другие знаки, давая понять, что меня будут там кормить, поить и вообще обходиться со мной хорошо. Тут у меня снова возникло желание попытаться разорвать свои узы; но, чувствуя ещё жгучую боль на лице и руках, покрывшихся волдырями, причём много стрел ещё торчало в них, и заметив, что число моих неприятелей всё время возрастает, я дал понять, что они могут делать со мной всё, что им угодно. Довольные моим согласием, *Гурго* и его свита любезно раскланялись и удалились с весёлыми лицами. Вскоре после этого я заметил общее ликование и услышал часто повторявшиеся слова: *неплам селян*, и увидел с левой стороны большую толпу, которая ослабила верёвки в такой степени, что я мог повернуться на правую сторону. Мне помазали лицо и руки каким-то приятно пахнущим составом, который в несколько минут успокоил жгучую боль, причинённую их стрелами. Всё это, в соединении с сытным завтраком и прекрасным вином, благотворно подействовало на меня и склонило ко сну. Я проспал, как мне сказали потом, около восьми часов; в этом нет ничего удивительного, так как врачи, по приказанию императора, подмешали сонного питья в бочки с вином.

Вероятно, как только туземцы нашли меня спящего на берегу после кораблекрушения, они немедленно послали гонца к императору с известием об этом открытии. Тотчас был собран государственный совет и вынесено постановление связать меня вышеописанным способом (что

было исполнено ночью, когда я спал), отправить мне в большом количестве провизию и питьё и приготовить машину для перевозки меня в столицу.

Быть может, такое решение покажется слишком смелым и опасным, и я убеждён, что в аналогичном случае ни один европейский монарх не поступил бы подобным образом. Однако, по-моему, это решение было столь же благоразумно, как и великодушно. В самом деле, допустим, что эти люди попытались бы, пока я спал, убить меня своими копьями и стрелами. Что же вышло бы? Почувствовав боль, я, наверное, сразу же проснулся бы и в припадке ярости оборвал бы верёвки, которыми был связан; после чего они не могли бы сопротивляться и ожидать от меня пощады.

Эти люди — превосходные математики и достигли большого совершенства в механике благодаря поощрениям и поддержке императора, известного покровителя наук. У этого монарха есть много машин на колёсах для перевозки брёвен и других тяжестей. Он часто строит громадные военные корабли, иногда достигающие девяти футов длины, в местах, где растёт строевой лес, и оттуда перевозит их на этих машинах за триста или четыреста ярдов к морю. Пятистам плотникам и инженерам было поручено немедленно изготовить самую большую повозку, какую только им приходилось делать. Это была деревянная платформа на двадцати двух колёсах, около семи футов в длину и четырёх в ширину, возвышавшаяся на три дюйма от земли. Услышанные мною вос-

клицания были приветствием народа по случаю прибытия этой повозки, которая была отправлена за мною, кажется, спустя четыре часа после того, как я вышел на берег. Её поставили возле меня, параллельно моему туловищу. Главная трудность состояла, однако, в том, чтобы поднять и уложить меня в описанную повозку. С этой целью были вбиты восемьдесят свай, вышиной в один фут каждая, и приготовлены очень крепкие канаты толщиной в обыкновенную бечёвку; канаты эти были прикреплены крючками к многочисленным повязкам, которыми рабочие обвили мою шею, руки, туловище и ноги. Девятьсот отборных силачей стали тащить за канаты при помощи множества блоков, прикреплённых к сваям, и таким образом после трёх часов работы меня подняли, положили в повозку и крепко привязали к ней. Всё это рассказали мне потом, так как во время операции я спал глубоким сном, в который был погружён микстурой, примешанной к вину. понадобилось полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен, вышиной около четырёх с половиной дюймов каждая, чтобы привезти меня в столицу, расположенную, как уже было сказано, на расстоянии полумили от берега.

Мы находились в дороге уже часа четыре, когда я проснулся благодаря весьма забавному случаю. Повозка остановилась для какой-то починки; воспользовавшись этим, два или три молодых человека полюбопытствовали, какое у меня выражение, когда я сплю; они взобрались на повозку и тихонько прокрались к моему

лицу; тут один из них, гвардейский офицер, засунул мне в левую ноздрю остриё своей пики; оно защекотало, как соломинка, и я громко чихнул. Испуганные храбрецы мгновенно скрылись, и только через три недели я узнал причину моего внезапного пробуждения. Весь остаток дня мы провели в дороге; ночью расположились на отдых, и подле меня было поставлено на страже по пятисот гвардейцев с обеих сторон, половина с факелами, а другая половина с луками наготове, чтобы стрелять при первой моей попытке пошевелиться. Но с восходом солнца мы снова тронулись в путь и к полудню находились в двухстах ярдах от городских ворот. Навстречу вышли император и весь его двор, но высшие сановники решительно воспротивились намерению его величества подняться на моё тело, боясь подвергнуть опасности его особу.

На площади, где остановилась повозка, возвышался древний храм, считавшийся самым обширным во всём королевстве. Несколько лет тому назад храм этот был осквернён зверским убийством, и с тех пор здешнее население, отличающееся большой религиозностью, стало смотреть на него, как на место, не достойное святыни; вследствие этого он был обращён в общественное здание, из него были вынесены все убранства и вся утварь. Это здание и было назначено для моего жительства. Большая дверь, обращённая на север, имела около четырёх футов в высоту и почти два фута в ширину, так что я мог довольно свободно проползать через неё. По обеим

сторонам двери, на расстоянии каких-нибудь шести дюймов от земли, были расположены два маленьких окна; в левое окно придворные кузнецы провели девяносто одну цепочку вроде тех, что носят у часов наши европейские дамы, и почти такой же величины; цепочки эти были закреплены на моей левой ноге тридцатью шестью висячими замками. Против храма, по другую сторону большой дороги, на расстоянии двадцати футов, стояла башня не менее пяти футов вышины. На эту башню взошёл император со множеством придворных, чтобы лучше рассмотреть меня, как мне передавали, потому что сам я не обратил на них внимания. По произведённым подсчётам, около ста тысяч народа с той же целью покинуло город; и я полагаю, что, невзирая на стражу, не менее десяти тысяч любопытных перебивало на мне в разное время, взбираясь на моё тело по лестницам. Скоро, однако, был издан указ, запрещавший это под страхом смертной казни. Когда кузнецы нашли, что вырваться мне невозможно, они обрезали связывавшие меня верёвки, и я поднялся в таком сумрачном настроении, какого у меня не было никогда в жизни. Шум и изучение толпы, увидевшей, как я встал и хожу, не поддаются описанию. Цепи, приковывавшие мою левую ногу, были около двух ярдов длины и не только давали мне возможность гулять взад и вперёд, описывая полукруг, но, будучи укреплены на расстоянии четырёх дюймов от двери, позволяли также вползать в храм и ложиться в нём, вытянувшись во весь рост.

ГЛАВА II

Император Лилипутии в сопровождении многочисленных вельмож приходит навестить автора в его заключение. Описание наружности и одежды императора. Автору назначают учителей для обучения языку лилипутов. Своим кротким поведением автор добивается благосклонности императора. Обыскивают карманы автора и отбирают у него саблю и пистолеты.

Я спокойно переносил свой плен в такой уютной позе, но теперь с большим удовольствием снова поднялся на ноги и осмотрелся кругом. Должен признаться, что мне никогда не приходилось видеть более привлекательного пейзажа. Вся окружающая местность представлялась сплошным садом, а огороженные поля, из которых каждое занимало не более сорока квадратных футов, были похожи на цветочные клумбы. Эти поля чередовались с лесом вышиной в сажень; в нём самые высокие деревья, насколько я мог судить, были не более семи футов. Налево лежал город, похожий на декорации в театре.

Я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Император уже спустился с башни и направлялся ко мне верхом на лошади. Эта смелость едва не обошлась ему очень дорого. Дело в том, что хотя его лошадь была прекрасно тренирована, но при таком необычайном зрелище — ведь на неё словно гора двинулась — взвилась на дыбы. Однако император, будучи превосходным наездником, удержался в седле, пока не подоспели придворные, которые, схватив коня под уздцы,